

18+

Лев Толубев-Качура

*А Ю Б В
И
С П Р А С Т Ь*

(новеллы, эссе)

Лев Голубев-Качура

Любовь и страсть.

Новеллы, эссе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36624384
ISBN 9785449331960*

Аннотация

Молодость беспечна! Молодые люди не задумываются о могущих произойти последствиях этой беспечности. Они не думают о том, что жизнь конкретного человека или обстоятельства (кстати, подготовленные самим человеком) могут ударить по нему в самый, казалось бы, счастливый момент. И они, последствия, бьют наотмашь, беспощадно, а иногда и до смерти!

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	5
РОКОВАЯ ОШИБКА	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Любовь и страсть

Новеллы, эссе

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2018

ISBN 978-5-4493-3196-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

1. Роковая ошибка остросюжетный роман

Часть первая

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвёртая

Часть вторая

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Часть третья

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвёртая

2. Любовь и страсть новелла

3. Зов природы эротический рассказ-фэнтези

4. Семейная ссора эссе

5. А всё же первый-то кто? Эссе

РОКОВАЯ ОШИБКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

На привокзальной площади стоял гул и суета. Пассажиры с кофрами в руках, как приливная волна накатывали на стоянку такси, а ещё через некоторое время откатывались назад. Всё зависело от подъезжавших таксомоторов, а они почему-то уже были заняты: в них находились один-два пассажира.

Когда успевали другие пассажиры завладеть таксомотором, никто понять не мог, но факт оставался фактом, все подъезжавшие к посадочной площадке такси были заняты. В них сидели, обложившись сумками пассажиры.

Водитель очередного подъехавшего таксомотора, высушившись в приоткрытую дверку, кричал: «Возьму одного до Чертаново! Полтыщи..., есть желающие?» «Одного» не находилось, и таксист продолжал, мне показалось что-ли, с какой-то даже обидой в голосе: «Что, неужели никого нет до Чертаново? – Так я поехал, ждать не буду...» А сам даже и не пытался тронуться с места, пока очередное такси не подъезжало к остановке и почти не выталкивало его с места.

Наконец нашёлся смелый, или достаточно зарабатывающий молодой человек с повадками менеджера по продаже унитазов – хлопнули дверцы, такси укатило.

А толпа, волнуясь, стала ожидать очередной, но главное, не занятый счастливец-пассажиром, таксомотор.

Другая категория пассажиров – пассажиры в элегантных костюмах и с кейсами в руках были более счастливы. Как только они, пассажиры, появлялись чуть в стороне от стоянки, к ним моментально подкатывало авто и с шиком останавливалось. «Кейсы» ныряли внутрь, и авто так же быстро исчезали – это были всё иномарки – легковушки и джипы. «Волг», а тем более «Жигулей» среди этого иномаркового, блестящего автотранспорта не было.

Простояв в очереди минут двадцать, я так и не дождался свободного таксомотора. Ноги уже начинали «гудеть» от усталости и, тут мне вспомнился совет попутчика по купе, разбитного малого, пахнувшего дорогим парфюмом, и просившего называть его Севой.

Кем он был по жизни, и какая у него профессия, я так и не смог уразуметь: то он намекал на какие-то свои связи, и при этом закатывал глаза кверху; то обещал помочь мне в рекламе и продвижении моих книг, конечно, я вежливо, стараясь не обидеть, отвечал отказом; то начинал шептать замогильным голосом о страшной тайне, которой он мог бы поделиться со мной, но...

К концу нашего совместного пути он так надоел мне, что

я готов был попросить проводницу переселить меня в другое купе... , но, Слава Богу, за окном показался пригород Москвы, и я отвлекся от его назойливого внимания к моей особе. А минут через десять пропал и мой попутчик. Вот был рядом, и нет его! Исчез, испарился без осадка! Я после его «испарения» проверил, так, на всякий случай, наличие своих немногих вещей и содержимое карманов. Слава Богу, вроде всё оказалось на месте!

А совет его был до безобразия прост. Нужно пройти за угол вокзала, и там, на площадке, можно найти штук двадцать разного калибра бомбил.

Безрезультатно промаявшись в очереди, я решил воспользоваться его советом – завернув за угол, я мгновенно оказался в окружении разношёрстной публики.

Кто-то кричал мне прямо в лицо: «Гаспадин, ходи ко мне!» – и добавлял, помните в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова: – «Эх прокачу!» Кто-то тянул меня за рукав, а какой-то смуглявый, с раскосыми, как у китайца, глазами, всё пытался отобрать у меня кофр, и при этом быстро говорил: «Деток кармить нада? Нада! Жену кармить с мамой нада? Нада! Ходи ко мне, я дорого не возьму...»

Последний раз я был в Москве года три тому назад, и о бомбилах конечно знал, только не знал, что они кучкуются вот здесь, прямо за углом, под носом у вокзальной полиции.

Мне приглянулся среднего возраста водитель. Его чуть

курносое лицо в мелких, как кукушечье яйцо веснушках, и добрая улыбка на губах, привлекли моё внимание.

Он стоял немного в стороне, не толкаясь и не хватая за рукава. Правда, машина у него не была комфортабельной иномаркой, а был это обыкновенный «Москвиченок». Наверное, поэтому он и не хватал очередного клиента за рукав и не вопил, словно недорезанная, простите, свинья: «Эх, прокачу! Совсем задаром прокачу!».

Ага, так-таки и задаром? – подумал я с усмешкой. Вы-то, и задаром?

И вновь присмотрелся к понравившемуся мне с первого взгляда «бомбиле».

Скорее всего, стесняется, решил я, а быть может, ещё не опытен, и поэтому дорого не возьмёт, а возьмёт столько, сколько я предложу.

Узнав куда мне ехать он, вот знакомая до оскомины русская привычка, полез пятернёй чесать затылок. А, когда я ещё и озвучил сумму, которую предполагаю заплатить за доставку моей персональной особы до нужного мне адреса, хозяин ретро-автомобиля вдруг покраснел, и растерянно посмотрел сначала на меня, потом на машину. А затем уж издал звук чем-то похожий на утиное кряканье, что ли.

Услышавшие мою цену и куда ехать, до этого терзавшие меня бомбилы сразу отхлынули словно морской прибой от песчаного берега, и мы остались один на один с «веснушчатым» и его «Москвичонком».

– Что, твой «Мустанг» не сможет одолеть такое расстояние? – чуть поддел я хозяина ретро-авто.

– Скажете, – обиделся за своего стального «Мустанга» веснушчатый. Он у меня только с виду такой, а так... можно хоть в Крым ехать, хоть на Дальний Восток – я за ним слежу.

Бомбилы отстав от меня, принялись терзать очередного «умника» из плеяды вечных пассажиров, сообразившего, как без очереди покинуть железнодорожный вокзал.

– Ну, хорошо, я добавлю ещё половину к предложенной сумме, – тихо, чтобы другие не услышали, предложил я соблазняя.

– Маловато конечно, – замялся он, – ну... да, ладно, может кого на обратном пути подхвачу.... Давайте ваш кофр.

«Москвичонок», на удивление, завёлся с полоборота, и мы резво покинули территорию вокзала.

Он и вправду был в руках заботливого хозяина: нигде ничего не дребезжало и не пищало, двигатель ровно гудел, а в салоне было чистенько, и даже как-то по-домашнему уютно.

Моя интуиция в очередной раз меня не подвела. Выбор транспортного средства и его водителя оказался очень удачным. Модель была из первых выпусков – без ремней безопасности, что меня очень обрадовало. Не люблю сидеть прижатым ремнём к сидению, как пришпиленная булавкой бабочка. Никакой тебе свободы движения. Попробуй, высиди несколько часов в машине, практически не шевелясь! Нико-

му не позавидуешь, ей богу!

Глава вторая

Выехав за МКАД, водитель прибавил скорость. А когда стрелка спидометра поравнялась с цифрой девяносто, он нарушил молчание.

Я понимал, путь долгий, водителю хочется поговорить. Он хочет поделиться своими радостями и печалью и, как не рассказать о своей жизни человеку, которого встретил в своей жизни в первый раз, и никогда больше, так думают многие, с ним не встретишься.

Своими разговорами «о жизни своей», мне так кажется, они взваливают на плечи пассажира свои заботы и неприятности. А пассажир, куда ему бедному деваться, вынужден всё выслушивать, обязательно поддакивать и, если говорится об обиде, возмущаться или сопереживать.

Водитель, таким образом, облегчает душу, а пассажир нагружается чужими, совершенно ненужными ему заботами.

Рассказчик, делясь своими заботами, рассчитывает на то, что больше никогда в жизни с этим пассажиром не встретится..., ан, нет! Как все ошибаются, честное слово ошибаются! У меня было пару случаев, когда я через несколько лет встречался с людьми, о которых и думать забыл, а они, оказывается, запомнили меня, и даже не забыли как меня звать-величать.

– Давайте знакомиться, – вежливо начал водитель, – путь

долгий, и как-то неудобно молчаливо колесить по дороге. Мы же не бессловесная скотина, мы человеки всё-таки, нам общение нужно...

Сегодня я был не против знакомства, а тем более разговора. Я, если честно, изголодался по свежим впечатлениям, и поэтому в знак согласия утвердительно кивнул головой.

– Меня зовут Фёдор Михайлович, можно просто Федя, – представился он. А, Вас?

При последних его словах я рассмеялся.

– Вы чего смеётесь, моё имя вам не нравится? Оно показалось вам смешным? Так, пожалуйста, я не навязываюсь, – он отвернулся от меня и, чуть приподняв зад, поправил чехол у себя на сидении.

– Что вы, Фёдор Михайлович, у вас нормальное имя, – сказал я: – Вы не обижайтесь на мой смех, это..., это..., знаете..., – я покрутил рукой в воздухе. – Когда вы спросили: «А, Вас?», ваш вопрос напомнил мне юмореску..., да вы её и сами много раз видели и слышали: встречаются двое, знакомятся, один называет своё имя и тут же спрашивает: «А, вас?». Другой, кавказец, армянин что-ли, отвечает – Авас. Первый опять называет своё имя, и опять спрашивает: «А, вас?». Кавказец отвечает – Авас.

В ответ на мои последние слова раздался хохот.

– Вспомнил, вспомнил. Точно, они ж всё время говорили – Авас, Авас? – сквозь смех со всхлипами ответил Фёдор Михайлович: – Потом, помню, они разругались. Вот чёрт,

больше не буду спрашивать, а то и, правда... Неет, ну надо же так опростоволоситься.

Отсмеявшись, он вопросительно посмотрел на меня. Я понял его немой вопрос, и назвал своё имя.

– Мощное у вас имя – Лев! – Простите за нескромность, вы из евреев что-ли будете?

– А, Лев Николаевич Толстой был евреем? – решил я уточнить его понимание национального вопроса, и добавил, – нет, нет, что вы. У меня нормальное русское имя. Просто... редкое. Хотя... в наше время мальчишкам стали чаще давать подзабытые имена – Лев, Даниил, Кирилл..., ну, и другие.

– А мне нравится ваше имя, оно вам подходит. Вы уж простите меня за дурасть.

Мы пожали друг другу руки.

– Ну, вот, Слава Богу, и познакомились, – проговорил он, – а, то...

Что могло означать его «а, то», я уточнять не стал.

Проехали в молчании километров десять, и вновь водитель заговорил первым.

– Вы не подумайте, что я всегда был бомбиллой, нет. Я работаю на первом часовом заводе, а приехал подзаработать дочке на ноутбук, она у меня учится в университете. Хорошая у меня дочка – почти отличница. Ей пообещали, что переведут с коммерческого на бюджетное обучение, и даже стипендию платить будут.

Затем, вероятно решив, что я не до конца оценил его дочь,

добавил: «Нет, она у меня просто молодец!»

И по сказанным им словам я понял, Фёдор Михайлович очень гордится своей дочерью, гордится её успехами.

Мы проехали несколько километров молчаливо. Я любовался разворачивающимся перед лобовым стеклом пейзажем. А затем уже я начал разговор:

– Вы давно в Москве живёте?

– Мы-то? Да, почитай, давно. Мои предки и предки моих предков – москвичи, так что я, как говорится – коренной москвич. А, вообще-то, дед рассказывал, пра-пра-прадеды родом из Сибири были, откуда-то с Алтая.

– Знакомые края.

– Вы, что, тоже на Алтае живёте?

– Нет, рядом. Я из Казахстана..., Восточного, – решил я уточнить своё место жительства.

– А, что же не перебрались к нам, в Россию, когда началось поголовное «переселение народов»?

– Я всю жизнь прожил в Казахстане, и... у нас такая красивая, просто замечательная природа – вторая Швейцария. Мне нравится Казахстан и его гостеприимный, умный народ.

– Тогда, конечно. Ааа, кем вы работаете, если не секрет?

– Книжки пишу.

Он немного помолчал, а затем пару раз покхекав, как-то недоверчиво переспросил:

– Правда, что-ли? Вы писатель? Самый настоящий? Во дела-а-а. Первый раз в жизни, вот так, рядом, сижу с писате-

лем. Да моя жена и дочка «умрут» от зависти... Аа-а поверят ли они? – засомневался вдруг он в своём выводе. И, ища подтверждения что-ли, то ли своему везению, то ли реакции своих домочадцев, пристально посмотрел мне в глаза.

– Почему не поверят? Поверят, это же ваша жена и ваша дочь, – подбодрил я его.

– Уфф! Ну, надо же, какие колена жизнь выкидывает... Ааа, вы в гости что-ли едете, или просто решили посмотреть, как люди живут и об этом книгу написать?

– Мой лучший друг давно приглашал меня приехать погостить, да всё недосуг как-то было. А сейчас случайно образовалось окно в работе, вот я и решил махнуть к нему на несколько дней.

Я не стал говорить ему правду о том, что у меня не «окно» образовалось, а настоящее окнище, и что у меня обыкновенный творческий застой в работе, что я, наверное, исписался, что у меня..., и так далее, и тому подобное.

– Проведать друга – дело стоящее. Вот, вы сказали в Тулу поедем. Он, что, в самой Туле живёт?

– Нет, в городе N+++ . Он написал, что городок расположен на левом берегу Дона, и у них летом красота неопишная: вот я и решил к нему поехать на несколько дней, проведать – засиделся я что-то на одном месте, наверное, стал мохом обрастать.

– Воон оно, как складывается, – почему-то сник Фёдор Михайлович, – это подале от Тулы-то будет. – Я-то думал,

мы в Тулу едем.

– Фёдор Михайлович, не переживайте, я доплачу. Сколько скажете, столько и доплачу. Ну, подумайте сами, не искать же мне в Туле другой транспорт, тем более, вы сами сказали, что мы приедем поздно вечером.

Выслушав моё объяснение, он опять полез скрести затылок, а потом, после минутного, нечленораздельного бормотания, вероятно, принял какое-то решение.

– И-эх! Была, не была! Не были бы вы писателем, ни за что бы не поехал в этот ваш...

Он покачал головой, и я расслышал, как он бормоча себе под нос, продолжил: «Ну, надо же, настоящий писатель. Дома не поверят, скажут – ври, да не завирайся!».

И он опять покачал головой.

А затем, уже для меня, нормальным голосом сказал: «Доедем до Каширы, свернём на трассу Елец-Воронеж, затем, до Узловой, а там уж повернём на ваш город. Я здесь уже бывал, дорога знакомая...»

– Спасибо, вам, – и я ещё раз повторил, – спасибо! – А то бы, я не знаю, что делал бы без вашей помощи.

– Да чего уж там, – махнул он рукой, – доставлю я вас куда надо. – Не беспокойтесь.

В машине на некоторое время повисла тишина. Затем, Фёдор Михайлович, повернув в мою сторону голову и, с явно сквозящей неуверенностью в голосе то ли предложил, то ли посоветовал: «А на электричке вам было бы сподручней.

Я бы вас быстренько до станции довёз, и денег бы не взял...»

– Фёдор Михайлович, вы что, отказываетесь ехать?

– Не-е-е-т, ноо...

– Если вы беспокоитесь об оплате, то можете не волноваться, я заплачу, честное слово заплачу, как договорились.

– Не об оплате я. Всё же электричкой было бы удобней...

И, я его понял. Он беспокоился не о деньгах, и не о длинном пути, он беспокоился обо мне, о моём удобстве.

– Знаете, – стал я его переубеждать, – мне до чёртиков надоело ехать в поезде, постоянно видеть перед собой одни и те же лица. – Лучше уж на машине, с ветерком.

– Ну, коли так, – и улыбка вновь появилась на лице Фёдора Михайловича. – Тогда вперёд и с песней!

Я было решил, что бомбила, после произнесённых слов нажмёт на педаль газа и прибавит скорость, и мы помчимся по дороге, обгоняя и обгоняя других – не тут-то было.

Стрелка спидометра ни на миллиметр не сдвинулась со своего места.

Всё также ровно гудел мотор, всё также в боковое окно задувал встречный ветерок, всё также проносились встречные автомобили и обгоняли нас блестящие иномарки. Но это меня не огорчало. Я наслаждался покоем под неспешный, негромкий говорок Фёдора Михайловича.

Глава третья

В город N+++ мы приехали около десяти вечера или, как

сказал бы мой друг, в двадцать один час сорок семь минут. Я позвонил ему по сотовому телефону ещё при подъезде к городку, и в ответ на гудки телефона услышал добродушный басок своего друга и бывшего однополчанина.

– Лёвка, ты что ли?! Вот молодец, что приехал! Давай, быстренько пыли ко мне, и никаких гостиниц, слышишь, чёртушка?! Обижусь! Я сейчас на даче кантуюсь..., ты слушай меня внимательно, не перебивай, а то неровён час заблудишься в нашем городке и уедешь «куда тебе совсем не надо».

Слышно было, как он, говоря – «куда тебе совсем не надо», покашливал и еле сдерживал смех.

– Ладно, не поеду «Куда мне не надо»! – радостно осклабившись, согласился я.

Вот, чертяка! Вспомнил ведь, а! Не забыл мой друг, однажды произошедший со мной случай в разведке. Дай бог памяти..., это было..., ага..., это случилось осенью. Я и моя группа, уж не знаю по какого бога произволению, в ненастную ночную пору..., короче, мы заблудились в горах, и вышли прямёхонько на крупную банду.

Завязался бой. Пришлось вызывать подмогу. И надо же было такому случиться, что на двух вертушках нам на помощь прилетел этот юморист-самоучка, мой друг. Навели мы шороху тогда! Ох, навели!

За уничтожение банды мы все были представлены к награде. А потом, когда нас долго не посылали на задания, и ста-

новилося скучновато как-то жить, Славка, посмеиваясь, мне говорил: «Лёвка, сходил бы ты что-ли, заблудился, а то мы что-то давно медалей не получали!»

Ну, вот, а сейчас, отсмеявшись в телефонную трубку, он подробно рассказал, как найти его дислокацию.

Немного попетляв по улицам и переулкам городка, мы выехали с другой его стороны и, свернув на боковую дорогу, нашли его дачный кооператив, а затем и его «маленький участочек с домиком».

В темноте не очень-то рассмотришь, что вокруг тебя. Но, впереди, при свете фар, было видно – кооператив основательный, не бедный. Домики..., нет, пожалуй, их домиками и не назовёшь, скорее, дома, всё больше в два этажа и не меньше чем в четыре комнаты.

Даа, одновременно с Фёдором Михайловичем произнёс я и, также как он поскрёб в затылке.

Любопытно, совать пятерню в затылок и чесать его, это у нас в генах, что-ли, заложено? – усмехнулся я про себя.

А когда приблизились к дому, ахнул – однако, неплохо устроился мой друг, совсем даже неплохо!

А друг..., он уже стоял у распахнутых ворот и приглашающе махал нам рукой. Когда мы заехали во двор я даже не успел ноги на землю поставить, как оказался в крепких объятиях, таких крепких, что у меня косточки хрустнули. Да и не мудрено, мой друг обладал невероятной силой.

В нашем полку у него было прозвище – «Медведь-гриз-

ли». Он поднимал штангу, которую другие вдвоём поднять не могли, а меня он мог удержать на вытянутой горизонтальной руке. Истинно – русский богатырь!

– Ах, ты, чёртушка! Ах, ты, чёртушка! – забасил он. – Наконец-то сподобился поведать старого друга-однополчанина. Дай-ка сынок, я посмотрю на тебя и обниму ещё разок...

– Не-не, Славка! – перебил я его, и отступил на шаг. – Посмотреть – это сколько угодно, а вот насчёт обнимууу, давай, как-нибудь в другой раз.

Он всегда звал меня сынок, с первого дня знакомства. Я не обижался, хотя мы оба были майорами, оба командовали разведгруппами, и частенько в боевых операциях выручали друг друга. А однажды он, меня раненого нёс на себе километrov десять по горам, когда мы уходили от крупной банды в Чечне, и никому не позволил ко мне прикоснуться.

Истинно – «Друг, а не портянка!».

Я увидел на его лице искреннюю радость встречи со мной. А, я то как был рад!

Вероятно, он догадался о моих чувствах и, ещё шире заулыбавшись, вновь раскрыл приглашающе свои объятия, но увидев, что я собираюсь спрятаться от его медвежьих объятий за машиной, он усмехнулся и перевёл взгляд на Фёдора Михайловича.

– Это Фёдор Михайлович, – представил я водителя, – он согласился доставить меня из Москвы.

– Добре, добре! – произнёс Славка, и протянул руку для

приветствия. – Меня вы можете звать Слава, без всяких там. Просто Слава.

Мы не виделись с другом... , сколько же лет мы не виделись? Да, пожалуй, почти что двенадцать.

Когда меня выписали из госпиталя после ранения, он был на задании, и мы не смогли проститься. Затем, уже в Москве, меня комиссовали, и я улетел домой, в Казахстан. А он остался в Чечне.

Примерно пару раз в год мы писали друг другу письма, в основном на день рождения и на 23 февраля, а к Новому году посылали поздравительные открытки. В общем, не теряли друг друга из виду.

А вот встретиться после Чечни смогли только сегодня. Сколько всего с нами случилось за эти годы, сколько случилось...

Всё-таки, я не смог увернуться от Славкиных повторных, крепких объятий. Пришлось мне ещё раз побывать в его тисках.

Наконец он выпустил меня из объятий, и я смог перевести дух. Отдышавшись, я спросил: «Слав, а где мы можем поставить машину? Фёдор Михайлович должен утром уехать».

– Не вопрос! – обведя широким взмахом руки двор, он дополнил свой жест словами: – Да, где угодно. Двор просторный, как футбольное поле.

Когда «москвичонок» был аккуратно припаркован у какого-то деревянного сарайчика, Славка, подхватив нас под

руки, потащил к двери веранды, приговаривая: «Ну, давайте хлопцы быстренько в дом, я уже заждался вас. Да, и водка нагревается».

Поднявшись на веранду, Славка пробасил: «Михалыч, ты как, не откажешься вкусить нектара богов? Лёвка никогда меня не подводил в этом святом деле».

– Что ж, с хорошими людьми..., почему бы и не выпить пару рюмок, – принял приглашение Михалыч. – Только..., знаете..., мне утром уезжать надо.

Я всегда завидовал умению моего друга быстро сходиться с незнакомыми людьми.

Через несколько минут он уже был лучшим другом Фёдора Михайловича, похлопывал его по плечу, и называл по отчеству.

После третьей рюмки Михалыч, извинившись, ушёл отдыхать, а мы продолжили наше застолье.

Перебивая друг друга, рассказывали о событиях, произошедших в нашей жизни, достижениях и огорчениях, и только сейчас я узнал, что мой друг уже полковник, только..., тут я, не веря своим ушам, ошарашено округлил глаза – полковник полиции, и ещё он – начальник одного из райотделов.

– Заливаешь, Слава?

– Во, блин, Фома неверующий. Щас!

Он вышел, и я услышал, как под его грузными шагами закрипели ступеньки лестницы во второй этаж. А, ещё через несколько минут, он появился в полной форме полковника

полиции.

От удивления и восхищения своим другом, я развёл руки и поцокал языком.

– Нуу, ты удивил меня, Вячеслав! Мало сказать – удивил! Убил! Честное слово!

Как ты попал в полицию? Почему мне ни разу не написал, не похвастался столь успешно достигнутыми успехами?

– А, что писать? Я и сам вначале не поверил что я – это я, да ещё и в полицейской форме! Кстати, Лёвка, мы же не обмыли мою должность, давай по стопочке, под тётчины малосольные огурчики, а? Дерябнем?

– Давай, чертяка! Нет, ну надо же – полковник полиции... – я непроизвольно покачал туда-сюда головой, – может, расскажешь, как ты попал в полицию и, главное, почему?

– Расскажу, расскажу, только давай опорожним стопки.

– Обмыть должность – дело святое. Давай! – я, соглашаясь с другом, кивнул головой.

Дожевав огурец, Славка, вертя вилку в руке, рассказал, что к концу Чеченской кампании он, как и многие, попал под сокращение, и ему предложили идти осваивать гражданскую профессию. Ну, и куда мне идти? Я же только в разведку ходить умею, да стрелять. А тут, на гражданку, представляешь?

Ну, приехал домой: жена рада, младшенький сынок с моих колен не слазит, мама рада, даже тётца впервые слезу пустила – короче, все рады, кроме меня. Погулял я пару

недель... , никто меня на работу брать не хочет, хоть грузчиком иди... , лучше, конечно бы в колбасный цех, но там и без меня уже всё было забито.

Я слушал Славку с большим вниманием. По своему собственному опыту знаю, как тяжело перестраиваться с войнушки на гражданку. Сам после демобилизации тоже, как он, места себе не находил.

...Э, думаю, так и опуститься можно на «дно общества», продолжал друг свою послеармейскую эпопею. Подумал я, подумал, и решился сходить на приём к самому господину мэру.

Вот так-то, друг мой, стал я вначале подполковником, а теперь вот уже месяц как полковником полиции.

– Здорово! И как, нравится? – заинтересованно спросил я.

– Лев, оказывается в полиции, не поверишь, как на фронте, не знаешь что тебя через час ожидает. Я уж не говорю о завтрашнем дне.

Мы выпили ещё по одной и закусили «чем бог послал!». То есть, малосольными огурчиками с салом.

Водочка, вы же знаете её змеюку, смелость придаёт невероятную, и на «юмор» тянет. Вот и меня потянуло не в ту степь.

– Славик, а дачку эту, «маленькую», тебе тоже в полиции презентовали? – с ехидцей поддел я друга.

– Ты, что! – возмутился он, и даже лицо его побагровело. – Говори, да не заговаривайся, а то быстро бока намну! Это

тёщина дача. Ей от покойного мужа в наследство досталась.

– Ааа..., и я включил «заднюю скорость».

Правда ведь, намнёт мне бока закадычный, лучший друг. За ним не заржавеет.

– То-то, что «Ааа». Та-а-ак.... Вижу пить тебе больше нельзя. Свою норму на сегодня ты выполнил с лихвой. Пошли, я помогу тебе добраться до постели, или по старой дружбе, как тогда, раненого, на руках донести?

– Ну, ты, говори, да не заговаривайся! – отомстил я ему. – Нечего! Сам дойду, не такой уж я пьяный!

– Вот и ладненько, вот и ладненько! Но я всё же провожу Вас, господин бывший майор, а теперь писатель. Позвольте Вам помочь, Ваше Писательское Величество, подняться по лесенке? – нажал он на «Вам», на «майор», и на «писатель».

– Позволяю, господин полковник. Никогда раньше не было у меня сопровождающих лиц в чине полковника, да ещё полиции. Так что, господин полковник, не поверите, даже приятно.

Я, конечно, не так чётко и правильно говорил всё это. Я заикался, некоторые слова повторял дважды, делал паузы. Ну что вы хотите от пьяного в стельку человека?

– Не заносись, не заносись! Это в первый, и в последний раз. А вообще, Лёвка, скажу тебе прямо – ты разучился пить совершенно.

– Не с кем было соревноваться, – пробормотал я, и сделал

пару шагов по лестнице.

Славка лукаво улыбнулся, и легонько хлопнул меня по плечу. После его «легонько» у меня подкосились ноги, и я чуть не присел всем задним местом на лестницу, но спасибо другу, поддержал, не дал упасть.

Неожиданно у меня в голове откуда-то появилась вполне здравая и очень назойливая мысль, я даже приостановился, так она меня удивила.

– Что с тобой? – забеспокоился мой друг. – Тебе плохо?

– Слав, а ты расскажешь мне о каком-нибудь интересном случае из твоей милицейской практики?

– Не милицейской, а полицейской, запомни, дубина! Ох, уж эти мне писатели, – покачал он, как-бы удивлённо, головой. – Пьяный-пьяный, а смотри-ка ты, всё норовит что-нибудь выпытать..., разведчик хренов.

– Слав, не жмись, помоги другу, а то у меня полный застой в работе, а в голове... нуу, ни одной путной мысли не про-скальзывает. Я тебе честно, как другу..., иии больше нико-му-никому, слышишь, ни-ко-му. Чш-шш!

И я прижал палец к губам. Или мне это показалось?

Но я старался, честное благородное слово, очень старался это сделать. Но всё-таки наверно промазал, потому что мой палец почему-то оказался не прижатым к губам, как я хотел, а у меня на переносице, ближе к глазу.

...Хочешь, Слава, я признаюсь? – продолжил я, и шутки ради состроил мину очень похожую на заговорщицкую.

– В таком состоянии, друг ситный, не стоит признаваться ни в чём, и никому, даже лучшим друзьям.

– А я всё же признаюсь тебе, как самому наилучшему другу. Ты прав, Славка, я очень давно столько не пил, и я уже полгода простаиваю...

– Майор, простаивают поезда и автобусы. А вообще-то, тебе пить надо меньше, вот и появятся светлые мысли в голове.

– Неа, Слав, я серьёзно. Я ж тебе говорю – я давно не пил... столько..., ии-и... поэтому, понимаешь, и раз-раз-развез-ло меня. Слав, давай..., давай... прямо щас..., вот тут..., на лестнице сядем, и ты будешь мне рассказывать. Ты... мне... расскажешь, Славик?

– Лёвка, тебе надо отдохнуть с дороги, ты вон как «устал», даже ноги не хотят идти... Завтра, на трезвую голову... поговорим. Сейчас у меня голова... тоже не очень-то соображает. Ты отоспишься после дороги, я вернусь после работы, тогда и поговорим, лады? А, сейчас, тебе лучше послушаться старшего по званию, друга и, не сопротивляясь, не хватаясь за перила, аккуратно переставлять ножки.

И, Славка, подхватив меня под мышки, потащил по лестнице куда-то наверх.

– Лады! – по-моему, запоздало и не очень уверенно, кое-как перебирая ногами, согласился я.

Проснулся я поздно. В доме стояла почти полная тишина, только какая-то заблудшая муха назойливо билась о стекло. Поднявшись с постели, я выглянул в окно. Солнце плавало в бездонно-голубом небе, освещая верхушки деревьев в саду. А над ягодными кустами и деревьями, перелетая с одной ветки, на другую, сновали бабочки и стрекозы.

Эй, люди, ау! – позвал я, спускаясь по лестнице.

Мне ответила тишина. Спят мои собутыльники, решил я. Пройдясь по дому, заглянул в одну дверь, в другую – никого. Меня везде встречала тишина.

В кухне, на столе, прикрытые салфетками, стояли две тарелки, а рядом белел листок.

Славка позаботился, понял я, и поднёс бумагу к глазам: Левка, завтрак и обед в холодильнике, ешь, пей, что найдёшь, не стесняйся. Опохмелка в морозилке, писал он. Я в управлении, а Михалыч уехал, просил передать тебе привет и пригласил нас к себе в гости. Отдыхай.

Ну, даёт, телеграфист хренов. Мог бы и покороче написать, подумал я, держась за неимоверно болевшую голову.

Что ж, прислушаемся к совету друга, будем отдыхать, решил я и, умывшись, уселся завтракать и лечиться от похмелья. Затем, достал дорожный блокнот и записал все события последних дней: встречи, интересные высказывания людей – это вошло у меня в привычку давно, ещё со школьных времён.

А ближе к вечеру приехал на полицейской машине Слав-

ка, вернее, не приехал, а его персонально доставили.

Увидев меня, сидящим на крыльце, он, улыбаясь, выставил все свои тридцать два крупных зуба и прогорланил:

– Здорово, друг ситный! Ещё не начал кукарекать от безделья? Как ты тут, не заскучал? Головка у вас, господин писатель, не вава?

– Спасибо, господин полковник, за заботу! – насмешливо поклонился я. – Вашими молитвами, малосольными огурчиками вашей тётки, и опохмелки из морозильной камеры, у меня даже голова перестала болеть.

– Рад за Вас. Вот что значат тёткины малосольные огурчики и бутылка в холодильнике... Огурчики, как показали проведённые Вами неоднократные эксперименты..., я Вас правильно понял господин писатель, можно вместо аспирина принимать, конечно..., ежели с водочкой! Что и показывает Ваш, почти цветущий вид. А, правда, здорово помогают, да?

За ужином он меня обрадовал хорошей новостью – комиссар дал ему три дня отпуска без содержания и пообещал, что не потревожит его в эти три дня ни под каким соусом.

Сказав всё это, Славка, хихикая, добавил: «Чтобы комиссар не уронил своей чести и сдержал своё комиссарское слово, мы с тобой умотаем на Дон, завтра же. Там он меня ни под каким „соусом“ не найдёт. Это уж точно!»

Мы с тобой порыбачим, поедем свежей ухи. Знаешь, какая у меня знатнейшая уха получается? Пальчики обли-

жешь – похвастался он.

– Слушай, Слав, а где твои..., нуу, жена, дети? – задал я давно вертевшийся у меня на языке вопрос. – Ты, случаем, не развёлся?

– Яаа, развёлся! Ты что, белены объелся? Да у меня самая лучшая на Свете жена! Таких жён «Днём с огнём не сыщешь!», идиот! А отсутствует она по той простой причине, что она, моя мама, тёща и ребятишки укатили в Херсон, в гости к сестре моей драгоценнейшей тёщи.

– Ясно, прости, Слав. Ааа, когда ты мне расскажешь об интересном... случае из вашей мили..., полицейской практики, ты же обещал? – спросил я, ставя пустую рюмку на стол.

– Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд. Вот, настырный. Дались тебе эти «случаи». Давай лучше опять по маленькой накатим, затем, посидим рядком, поговорим ладком.

– Не, Слава, ты же сам вчера сказал, а я прекрасно запомнил: «Ты свою норму перевыполнил». Да, и знаешь.... Тут я вдруг вспомнил Фёдора Михайловича, и ужаснулся – я же не отдал ему вторую половину оговоренной платы за проезд!

– Славка, – в величайшем волнении сказал я, – ты знаешь, я не заплатил Михалычу за дорогу! Где я теперь буду искать его?

– Не казись, Лёвка, я заплатил ещё вчера. Так что, всё в ажуре.

– И, когда же это ты успел, позволь тебя спросить? Мы же

пили всё время, и ты, вроде бы не вставал из-за стола.

– Успел, успел, не переживай. А вот насчёт случая.... Есть у меня один, интереснейший для тебя.... И, представь, совсем недавно произошедший.

Только, чур, в течение года не печатать, имена и место происхождения не раскрывать, даёшь слово? Иначе, не расскажу.

– Слав, ты ж меня знаешь. Обещаю сделать так, как ты сказал. Клянусь!

– Лев, история длинная, за один вечер не расскажешь.

– Готов пожертвовать даже твоей замечательной ухой, только расскажи, а то у меня знаешь...

– Знаю, знаю, наслышан от тебя же. – Ты уже говорил про застой в мозгах и в твоей творческой профессии. Ох, уж эти мне писатели! Господи, Лев, во что ты превратился?

– Ни во что я не превратился. Наверное, я всегда был таким, и военным стал из-за ошибки в молодости.

– Здорово ты сказал – из-за ошибки в молодости! Даа, все мы делаем ошибки, особенно в молодости, – подтвердил он, – но не все могут это понять и, по возможности, исправить содеянное.

Он задумчиво обвёл взглядом комнату, рассеянно повертел в руках вилку, и тяжело вздохнул.

Я решил, что это у его друзей случилась беда, или у людей, которых он хорошо знал. И, придав голосу душевность, спросил:

– Слав, с твоими родственниками что-ли, или с друзьями, случай произошёл? Ты так тяжело вздохнул. Что, действительно, случай тяжёлый? Может, я смогу хоть чем-то помочь, или ещё, что?

– Неет. Не с моими. Просто очень жалко этих людей. В принципе-то, они хорошие люди, а вот...

Он на мгновение задумался, затем, словно окончательно принял решение, продолжил: ...Лев, случай, или нет, несчастье..., даже не несчастье, а скорее драма, о которой я хочу тебе рассказать, произошла именно из-за ошибок в юношеские годы, из-за, как-бы это правильнее выразить словами – неконтролируемой страсти что-ли, из-за привычки человека всё позволять себе не задумываясь о последствиях.

Он покрутил в руках пустую рюмку, затем, медленно подбирая слова, вновь заговорил. В его рассказе чувствовалась душевная боль и переживание за совершенно чужих для него людей. Он словно наяву видел их, тех, о ком решил мне рассказать, так мне показалось.

...Понимаешь, одна роковая ошибка, иии... всё! – Вся жизнь пропала! Сам погиб, и за собой другого, ни в чём не повинного человека, потянул...

Я тебе расскажу об одном человеке, который..., из-за которого...

Есть категория людей, которые считают, что весь мир создан только для них, и таких как они. Это – человеки-разрушители. Они, походя, не думая о последствиях, разрушают

и уничтожают всё на своём пути. Походя, ломают человеческие судьбы, в том числе и свою собственную...

Мой друг на несколько минут замолчал, по-видимому, вспоминал случившееся. А я, заинтригованный его словами, с нетерпением ждал продолжения. Ждал с надеждой, с нетерпением, с каким-то даже, откуда-то возникшим волнением, начала рассказа. Во мне вновь проснулся давно не посещавший меня, писательский зуд. Мне показалось, что у меня даже пальцы зашевелились, так захотелось открыть ноутбук, и... работать, работать!

– Так ты обещаешь, Лев, что в течение года – ни-ни! А то у меня появится куча неприятностей, – строго спросил Славка, и заглянул мне в глаза, словно пытаюсь прочесть в них ответ.

– Я же дал слово, Слав! Давай, начинай рассказывать, не тяни кота за хвост! Я изнываю от любопытства.

Но он, не проронив ни слова, показал рукой на небольшой, встроенный в стену бар, и заговорщицки подмигнув, предложил:

– Давай-ка откроем его, и посмотрим, что у него спрятано внутри.

– Ну, давай, только по-быстрому.

Славка, подойдя к бару, открыл дверцу, и я, перегнувшись через его плечо, увидел в чреве бара с десятков бутылок – это всё были бутылки с пивом.

Взяв по бутылке, мы пересели в кресла, стоявшие у не го-

ревшего по случаю летней погоды небольшого камина и, откупорив, сделали по глотку «Жигулёвского» (ни я, ни Славка, не признавали других сортов).

Оно оказалось достаточно холодным, и совершенно свежим на вкус.

Пиво-пивом, но я-то ждал рассказа, а не пива, и ждал с нетерпением.

Поэтому, посматривая на друга, опять «наострил ушки на макушке», то есть, приготовился слушать продолжение рассказа. Но Славка, тоже мне друг называется, продолжал молчать.

– Сла-ва-аа, – заныл я.

– Не мешай, дай сосредоточиться.

Прошло не менее пяти или семи минут в молчании, прежде чем мой друг заговорил.

* * *

В дежурной части районного отдела полиции раздался телефонный звонок и, перепуганный до смерти, женский голос, торопясь и захлёбываясь словами, сказал, что в соседней квартире прозвучали хлопки, похожие на выстрелы из ружья, а перед этим слышался громкий разговор и женские рыдания.

Пожалуйста, взволнованно добавила звонившая, приезжайте побыстрее, там что-то случилось!

Уточнив адрес, оперативная группа выехала на место

предполагаемого происшествия.

Да, женщина, оказавшаяся соседкой, и позвонившая в дежурную часть РОВД, была права!

В трёхэтажном доме №7, расположенном в третьем линейном переулке, в одной из квартир обнаружили два трупа – пожилого, элегантно одетого, совершенно седого мужчины, и молодой, лет двадцати двух-двадцати пяти, красивой светловолосой женщины.

В руках мужчина сжимал двуствольное, сделанное по заказу, дорогое ружьё двенадцатого калибра, со стреляными гильзами в стволах.

На первый взгляд женщина была застрелена с близкого расстояния, почти в упор, а у мужчины была разворочена затылочная часть головы.

Трупы лежали на ковровом покрытии рядом. Их позы, даже без заключения экспертов это было видно, говорили о том, что мужчина первым выстрелом (если никто другой не стрелял, а это сделал именно он) тяжело ранил женщину в грудь, затем, лёг рядом с ней, обнял, и выстрелил в себя.

И у женщины, и у мужчины ранения были тяжёлыми, несовместимыми с жизнью – это и без патологоанатома было видно...

Я с увлечением, ловя каждое слово, слушал рассказ своего друга, и даже забыл о пиве. А Славка, вероятно захваченный воспоминаниями, казалось, в подтверждение своих слов покачивал головой, и тихим голосом продолжал рассказывать

о произошедшей в квартире трагедии.

Мой друг рассказывал так красочно, и с такими подробностями, словно во время трагедии сам присутствовал, или находился где-то рядом.

Вот что значит бывший разведчик!

* * *

Несмотря на своё обещание ради рассказа отказаться от Славкиной ухи, мы всё же побывали на Дону и наловили рыбы, и поели, приготовленную по его рецепту, «Пищу Богов».

Действительно, пахнувшая свежей рыбой и чуть-чуть дымком, уха была восхитительна, и я, изголодавшись по такому деликатесу, уписывал её так, что за ушами трещало. А мой друг, с хитрецей посматривая на меня, и видя, как я расправляюсь со второй порцией его знаменитейшей ухи, лишь озорно щурил глаза, и слегка посмеиваясь, приговаривал:

– Ешь, ешь писатель, когда ещё такой ушицы похлебаешь.

Эт-то точно, – соглашался я с ним, уписывая четвёртый или пятый кусок рыбы.

Десять дней пролетели незаметно, и я засобирился домой. Договорились, что на следующий год в гости ко мне приедет он, и привезёт жену и ребятишек. Я пообещал свозить их на озеро Зайсан, показать красоты Горной Ульбинки, накормить копчёным лещом и ухой из хариуза.

– А ещё через день, я сидел в купе поезда Москва-Рид-

дер, слушал перестук вагонных колёс на стрелках и прощался с Москвой, на долго ли? Кто знает, жизнь – она ведь такая, без бутылки и не разберёшься в ней. Шучу-шучу, а то и, правда, решите, что я какой-нибудь алкоголик.

На следующий год Славка, мой друг и полковник полиции, вместе со своей семьёй был у меня в гостях.

Прошло ещё половина года и я, по разрешению друга, сдал рукопись услышанного в городе N+++ рассказа в печать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Людмила Афанасьевна обратила внимание на необычное поведение дочери уже с месяц назад. Она воспитывала её одна, без мужа. Было трудно: приходилось постоянно как-то изворачиваться, чтобы дочь ни в чём не знала нужды. А как можно извернуться в наше время? Только одним способом – найти дополнительный заработок. И нашла – стала мыть полы в почтовом отделении.

Отбарабанит свои пять-шесть уроков в школе, и бегом на почту. И так каждый день: в школе геометрия с тригонометрией, а после школы – мокрая тряпка и помойное ведро с водой. Возвращалась домой затемно, не чуя ног под собой от усталости.

Одна радость дома – шестнадцатилетняя, жизнерадостная дочурка Вера – тёмноволосая, похожая на цыганочку, стройная (вся в отца) – плод её безумной любви к заезжему столичному гастролёру.

Он оказался ещё тем типом! Даже не типом, а типчиком – малодушным, и к тому же женатым. Ну откуда она могла всё про него знать, откуда? Он же так красиво говорил ей о вечной любви, такие цветы дарил! Вот она и поверила, и влюбилась безоглядно, до умопомрачения.

Видя дочь, слыша её жизнерадостный воркующий голо-

сок, Людмила Афанасьевна вспоминала Игоря, отца Веры. И моментально, откуда-то из самых глубин души, поднималось справедливое возмущение – подлец, негодяй, поматросил и бросил, а она теперь воспитывай дочь одна, бейся как рыба об лёд, чтобы хоть как-то выжить в этом суровом, не приспособленном для слабых людей, мире! Дура набитая! Господи, какая же я дура! Нет бы, прислушаться к советам покойной матери, так нет, захотелось самостоятельности – видите ли, она уже взрослая девочка..., не учите меня мама! Дура беспросветная!

Она ещё раз грубо выругала себя, и обозвала дурындой!

Вот и сейчас, кажется, тоже самое происходит с её Верой, с её ненаглядной, и такой умницей, дочуркой.

Людмила Афанасьевна доглаживала постельное бельё, а Верка читала книгу и нет-нет, да поглядывала на часы.

Чего уж тут непонятного? – с возмущением подумала она, изредка поглядывая на дочь. Всё как на ладони, сама раньше так делала, дура!

– Ты что это всё на часы поглядываешь? – не выдержав, решила она поинтересоваться у дочери, – до начала фильма ещё полтора часа.

– Мама, я не поглядываю, это тебе показалось.

Но сердце матери чувствовало – Вера напряжена, и потом, она же ясно видела, дочь нервничает, книгу не читает, за полчаса не перевернула ни одной страницы. Понятное дело, о чём-то думает.

Минут через двадцать Вера, нервным движением захлопнув книгу, сказала:

– Мам, я сбегая, мусор вынесу.

– Куда ты, ночь уже!

– Мам, какая ночь? Всего-то десять часов. Я быстренько.

– Вера, не нужно, я утром сама вынесу, мне по пути.

– Мама, – в голосе дочери послышалось упрямство, – в квартире неприятный запах, я не хочу дышать вонью всю ночь!

Проговорив это, она вышла из комнаты в коридор, где стоял пакет с мусором.

И Людмила Афанасьевна услышала, как закрываясь, хлопнула входная дверь.

* * *

Вера вернулась минут через сорок. За это время Людмила Афанасьевна так перенервничала, что увидав вошедшую дочь, не сдержалась и закричала:

– Ты где это до сих пор шлялась?! Вынести мусор – минутное дело, а ты, когда вернулась?! Посмотри на часы!

– Я встретила подружку. Мы поговорили..., то, да сё...

– Не ври, Верка! – не стерпев её явной лжи, опять закричала на дочь Людмила Афанасьевна, – какие могут быть подружки в это время?!

– Не веришь, и не надо. Я уже взрослая, и у меня может быть своя жизнь, – огрызнулась дочь, и направилась в свою

комнату.

Людмила Афанасьевна от такой Веркиной наглости на некоторое время даже онемела. Она стояла и растерянно разводила руками. А потом из глаз её покатались одна слезинка за другой, одна за другой, постепенно превратившись в два светлых ручейка.

Это была их первая крупная ссора в жизни. Она поняла, с дочерью что-то творится нехорошее, то есть, она догадывалась, что с ней творится, но не хотела верить. А произошло это с дочерью не по вине матери. Не она ли холила и лелеяла свою доченьку, не она ли отдавала ей всю свою материнскую любовь. И вот, на тебе, дочь что-то скрывает от неё..., начала грубить и таиться.

Всю ночь провела она без сна в своей постели, ища оправдание такого изменения в Веркином поведении, и не находила. Она даже пыталась найти какую-нибудь причину, не ту, о которой она подозревала. Она убеждала себя – может дочь заболела, а я не поняла, и напрасно накричала на неё. А затем вдруг пришло ей в голову, а может, правда, она встретила подружку и, бывает же так на самом деле, заговорились.... Господиии, подскажи, что с дочерью!

Утром дочь молчаливо собралась и, не попрощавшись с матерью, ушла в школу.

Так и не придя ни к какому выводу, не приняв никакого решения, Людмила, с болящей от ночной бессонницы и дум, головой, пошла на работу. День тянулся медленно – вязкой

тягучей смолой.

А ещё через пару дней, всё видящая и всё про всех знающая соседка – древняя, злая на язык старуха, которую она часто видела вечно сидящей на лавочке у крыльца, ехидно улыбаясь, хриплым голосом ей сказала: «А Верка-то твоя ненаглядная..., тихоня..., по ночам возле гаражей женихается. Смотри, как-бы в подоле не принесла».

Это было последней каплей яда на её кровоточащую рану. Разговаривать с Веркой бесполезно, подумала она, и решила на не очень красивый по отношению к дочери, шаг. Она решила проследить, куда ходит её дочь по вечерам, и с кем встречается. Ещё не хватало, испугалась она, чтобы с моей Верочкой случилось тоже, что со мной!

Во вторник у неё было мало уроков, и она решила, прежде чем идти на почту, зайти домой, занести купленные в супермаркете продукты.

Раньше она никогда не заглядывала в почтовый ящик, эта обязанность лежала на дочери, но уже почти пройдя мимо, она почему-то вернулась, и заглянула внутрь. Газет в ящике не было, лишь одиноко белел свёрнутый вдвое листок бумаги.

Извещение на оплату коммунальных услуг, решила она. Вера была дома, сидела на диване и что-то бормотала по-английски. Разложив принесённые продукты в холодильник, Людмила Афанасьевна пошла в комнату, чтобы переодеться, но вспомнила об извещении и, вернувшись на кух-

ню, взяла листок со стола. А когда развернула – лицо её побледнело.

Вошедшая в это время Вера, увидев бледное лицо матери, заботливо спросила:

– Мама, что с тобой, тебе плохо? Ты заболела, или что-то случилось в школе? Мама, да не молчи ты!»

– Ничего доченька, ничего, просто я устала, – через силу выдавила Людмила Афанасьевна, и постаралась спрятать листок в карман.

– Как же, ничего, ты вон какая бледная. А, что это у тебя за листок в руке? – в голосе дочери явно прозвучало подозрение.

– Извещение из ЖКХ... на оплату.

– Так ещё не время, – поглядев на мать, удивилась дочь.

– Значит, решили разнести пораньше, – постаралась равнодушным тоном ответить она.

– Ааа. И Вера направилась в свою комнату.

Мама, я английский учу, много слов незнакомых, я тебе не нужна?

– Иди, занимайся Вера. Я только переоденусь, и на почту.

Глава вторая

Механически взяв тряпкой по полу, Людмила Афанасьевна лихорадочно искала выход, как уберечь дочь от грехопадения. В записке какой-то Вадим, расточая сладкие слова любви, явно просил близости с её дочерью.

Значит, до этого у них ещё ничего не было, немного успокоилась она, а что потом? Только по чистой случайности записка попала мне в руки. Не вернись я раньше времени домой, не загляни в почтовый ящик, и моя дочь: такая нежная, такая красивая, такая добрая и доверчивая глупышка, совершила бы «непоправимое» в своей молодой, только начинавшейся жизни.

Но что же делать, что делать? – лихорадочно метались мысли в голове. Что делать?! – чуть не воя от бессилия, спрашивала она себя. Господи, подскажи, надоумь! И, как озарение свыше – отправить дочь к её тётке! Да, надо немедленно отправить Веру в Днепропетровск, к моей сестре! Решено! Конечно, Нижнеднепровский узел, это не центр города, но всё же дочь будет подальше от этого сластолюбивого негодяя, от этого... греховодника в штанах, этого...

Людмила Афанасьевна так перепугалась от одной только мысли – что могло бы случиться с её дочерью, не перехвати она записку, что чуть не потеряла сознание.

Ишь, что удумал! Я Верочку тебе на потеху не отдам, я жёстко поговорю с тобой, оболтус! – ругала она парня. Я с тобой так поговорю, так поговорю, что ты навсегда забудешь дорогу к нашему дому! И Верочку тоже забудешь! – кипятилась она, вытирая пыль со шкафов.

И в расстройстве не замечала, что уже минут десять трёт тряпкой по одному и тому же месту.

Как ученик-отличник, решивший трудную задачу, Люд-

мила Афанасьевна немного успокоилась, и уже более тщательно принялась за уборку.

Вечером, сказав дочери, что сходит к своей знакомой, проживающей в соседнем доме, она, накинув плащ с капюшоном и захватив с собой записку, вышла из дома, чтобы поговорить с незнакомым ей, Вадимом. Этим именем была подписана записка.

Я поговорю с ним серьёзно, шептала она. Я имею на это право! – твердила она. Я мать, беспокоящаяся о своём неразумном ребёнке! Я должна защитит Веру, и я это сделаю!

* * *

На улице дул порывистый ветер, и стояла такая непроглядная темень от закрывших небо тяжёлых, грозовых туч, что в шаге нельзя было ничего рассмотреть. Людмила Афанасьевна, попав в тёмную круговерть непогоды, уж хотела повернуть назад, но желание защитить дочь пересилило страх.

Надвинув ещё глубже капюшон на голову, и почти закрыв лицо, она осторожно, боясь споткнуться на неровностях дороги и упасть, двинулась к гаражам – месту назначенного в записке свидания.

Пока ещё изредка, ослепляя, поблёскивали молнии, и гремел гром. Ей было страшно! Почему-то очень страшно!

При каждом раскате грома она непроизвольно вздрагивала, вжимала голову в плечи, и закрывала глаза. Добравшись

до тёмной массы гаражей, она, при очередной вспышке молнии, нашла номер указанного в записке гаража и, в растерянности остановилась.

На месте свидания никого не было. Решив, что она перепутала номер гаража, или у Вадима проснулась совесть, и он не посмел явиться на свидание с её дочерью, она развернулась, чтобы отправиться домой.

От чувства успокоения, что всё закончилось благополучно, что она спасла свою доченьку (скорее всего Бог не допустил! – решила она), у неё даже вырвался вздох облегчения.

Слава Богу, я правильно поступила! – прошептала Людмила Афанасьевна и, запахнув плотнее плащ, собралась возвращаться домой. Но неожиданно оказалась в крепких, как тиски, объятиях, и её потянули в сторону приоткрытой двери. У неё даже успела мелькнуть мысль – как же я раньше не заметила её?

Не устояв на ногах, она потеряла равновесие и чуть не упала, но сильные руки не разжались – руки настойчиво тянули её в тёмную пасть гаража.

От страха и неожиданности она вскрикнула, но вспомнив, кто она и зачем пришла, подумала о своей дочери, и новый крик застыл у неё на губах.

Она ещё надеялась образумить молодого человека, но её уже затащили в непроницаемую темноту, и срывали одежду.

Остервенев от такой наглости сопляка, она изо всех своих слабых женских сил стала отбиваться, царапаться и кусаться.

На какое-то короткое мгновение она сумела высвободиться из объятий и, уже сделав шаг к спасительной двери, она запуталась в плаще, споткнулась, и её моментально завалили на пол...

Он был сильнее её! Он был намного сильнее её!

Людмила Афанасьевна попыталась закричать, но насильник зажал ей рот.

Последние остатки сил покинули её и она, теряя сознание, провалилась в беспамятство...

Через сколько времени к ней вернулось полное осознание очевидного, она не могла вспомнить. Она лишь помнила, как её грубо вытолкали из гаража и закричали вслед – «Пошла вон, шлюха! А ещё прикидывалась недотрогой, строила из себя целку! Видеть тебя, Верка, больше не хочу!»

* * *

На улице шёл дождь, даже не дождь, а ливень. Кое-как поправив на себе порванную в нескольких местах одежду, Людмила Афанасьевна, промокшая до нитки, дрожащая от холода и унижения, сопровождаемая раскатами грома и вспышками молний, направилась домой. Злость, и обида, и слёзы, душили её. Ведь она хотела только поговорить, образумить этого мальчика, защитить свою дочь, а он... Ооо!

Но глубоко в подсознании нет-нет, да проскакивала искорка торжества – она, ценой собственного унижения и надругательства над собой, спасла от позора дочь, спасла свою

малышку. А я, что ж...

Спасибо тебе, Господи, что дал мне возможность перехватить записку! – сквозь текущие, смешавшиеся с дождём слёзы, поблагодарила она Бога. Что было бы с моей ненаглядной девочкой, если бы она попала в руки этого зверя в человеческом облике.

Будь ты трижды проклят! И будь проклято всё твоё потомство, подонок! – шептала она, оскальзываясь на мокрой дорожке, и зябко кутаясь в порванный плащ.

Осторожно, пытаясь не производить шума, она проскользнула в свою комнату, и сразу же, не сняв мокрой, грязной одежды, позвонила сестре, и договорилась с ней о Вере.

– Пусть поживёт у тебя какое-то время, – попросила она, – деньги на её содержание я буду тебе высылать, об этом не беспокойся.

– А, как же школа? А, как же..., или у вас что-то случилось? – поинтересовалась сестра, и в голосе её прозвучало неподдельное волнение.

– Ничего не случилось, а школу Вера закончит у тебя.

– Люда, может у вас всё-таки что-то случилось, или вы... поссорились? – беспокойство явно сквозило в вопросах сестры.

– Нет-нет, у нас всё в порядке, не волнуйся, – успокаивала Людмила Афанасьевна сестру, – понимаешь, Вере нужна перемена климата, так, на всякий случай, вот я и подумала – у вас как раз то, что нужно.

Вечером следующего дня Людмила Афанасьевна, дав кучу наставлений и поцеловав на прощание погрустневшую дочь, посадила её в скорый поезд Москва-Симферополь.

А когда последний вагон скрылся за горизонтом, она облегчённо вздохнула: Слава Богу, отправила дочь от греха подальше. А этот подлец, Вадим, пусть теперь поищет её.

И она с душевным волнением ещё раз поблагодарила бога за помощь в спасении дочери.

Затем, покинув вокзал с мыслью о том, что теперь её дочь недосыгаема для Вадима, и совершенно успокоенная, вернулась домой.

В эту ночь она спала крепко, и никакие предчувствия не беспокоили её.

Проснулась она почти счастливой.

Глава третья

День пролетал за днём, неделя за неделей. Сестра один раз в неделю звонила ей, рассказывала о Вере. Как явствовало из докладов сестры, Вера всё время проводит дома, готовится к вступительным экзаменам в университет и, кажется, совсем не страдает от одиночества, прямо монашка какая-то! – удивлённо добавляла та.

– Представляешь, – говорила она шёпотом, – Вера так увлеклась подготовкой к вступительным экзаменам, что даже ни разу не сходила в кинотеатр или на дискотеку.

А потом, при следующем разговоре, сестра как-то неуве-

ренно призналась – но это меня и радует и беспокоит одновременно. Что-то с ней не так! Не находишь? Признайся Люда, у вас..., между вами... всё-таки что-то произошло, да? Скажи правду, Люда.

– Нет, нет. Что ты. Я же тебе говорила. У нас всё нормально. Не переживай, – отвечала она сестре.

Переговорив в очередной раз, она садилась на диван, доставала альбом с фотокарточками и, рассматривая их, тихо радовалась своему мудрому и своевременному принятому решению:

С дочкой всё идёт как нельзя лучше, говорила она себе, и вытирала кулачком неожиданно замокревшие глаза и сморкалась в полотенце.

В школе тоже дела шли хорошо. Все ученики её класса сдали выпускные экзамены. Ни один не остался на второй год или на осеннюю переэкзаменовку. Живи и радуйся! – говорила она себе.

Людмила Афанасьевна зажила мирной, спокойной жизнью. Правда, жизнь без дочери показалась ей скучноватой. Не хватало её весёлого, озорного смеха, её шуток. Но, успокаивала она себя, Вера поступит в университет, после первого семестра сдаст сессию и приедет на зимние каникулы. И у нас всё будет по-старому, как раньше. А там, глядишь, и Веру можно будет опять забрать домой – мечтала Людмила Афанасьевна.

* * *

В один из летних дней преподаватели собрались в учительской для решения вопроса по подготовке школы к следующему учебному году. Физрук, мужчина средних лет, балагур и дамский угодник, посмеиваясь в роскошные усы, заметил: «А, вы, Людмила Афанасьевна за последнее время очень даже похорошели. Уж не любовь ли нагрязнула нечаянно ко мне?»

– К вам, Олег Петрович, быть может, и нагрязнула, только не ко мне, – парировала она насмешника.

А учительница русского языка и литературы, услышавшая их разговор, ехидно добавила: «Олег Петрович, вы хоть и преподаватель физкультуры, но пора бы уж научиться правильному построению речи».

Она же влюблена в него как кошка, вспомнила Людмила Афанасьевна. Поэтому и задирает его по всякому поводу и без повода. Всё делает, лишь бы он обратил на неё внимание.

Дома, переодеваясь в халатик, она подошла к зеркалу. Да, правы вы, Олег Петрович, я неплохо выгляжу для своих тридцати семи, вон, даже животик округлился...

Что? Какой... может быть животик? – ахнула она, побледнев. Я, что?! Да не может быть такого, я же ни с кем..., ужаснулась она. Я же..., у меня же... только школа, ученики иии... подработка на почте...

И словно обухом по голове: а тот ненастный вечер, поза-

была что-ли? Гос-по-ди, как же это?! – застонала она. Какой позор на мою голову! А что я скажу Вере? А что скажут в школе? Немедленно надо идти к гинекологу и делать аборт. А, может, я ошибаюсь и я не беременна?

Терзаясь неизвестностью, Людмила Афанасьевна долго не могла уснуть, а утром, чуть свет, позвонила завучу домой и, задыхаясь от еле сдерживаемого волнения, предупредила, что задержится немного и, чтобы избежать ненужных вопросов, быстро положила трубку телефона. Закончив разговор, она так и осталась стоять у аппарата, вперив взгляд в звенящую пустоту квартиры.

В женской клинике приговор был жестоким и окончательным: срок беременности – девять недель, аборт делать нельзя!

Врач ещё и сокрушённо добавил при прощании: «Что же вы мамаша на обследование так поздно пришли? Мы должны вас поставить на учёт».

«Не нужно меня ставить на учёт, – окончательно расстроенная, ответила она, и неожиданно добавила, – я на днях переезжаю в другой город, там и стану на учёт».

А придя в школу, попросила дать ей отпуск без содержания на год. Директор упёрся – «У нас преподавателей не хватает, а вы просите отпуск на год, не дам! Категорически заявляю – не дам! Вы меня, Людмила Афанасьевна, без ножа режете по живому телу!»

«Тогда я увольняюсь» – ответила она и, выйдя в канцеля-

рию, быстро написала заявление на увольнение по собственному желанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.